Е.Б.Рогачевская

ЗАПАД И ВОСТОК В ПАМЯТНИКАХ КНИЖНОСТИ О НИКОЛАЕ МИРЛИКИЙСКОМ

Святой Николай Мирликийский является одним из наиболее чтимых православных святых. С его именем связано несколько десятков различных произведений, бытовавших в древнерусской книжности. Самые известные жития Николая — переводные. Одно из них написано Симеоном Метафрастом (оно вошло в состав Великих Четьих Миней митрополита Макария), другое, так называемое "иное житие", является переводом сочинения Николая Пинарского[1]. Нас же будут прежде всего интересовать оригинальные древние памятники, входящие в цикл произведений, связанных и памятью о Николае Мирликийском, в которых так или иначе угадывается русское восприятие Запада.

"Слово на перенесение мощей Николая" приписывается Ефрему, епископу Переяславскому (XI в.)[2], а служба (стихира и канон) 9-го мая на праздник перенесения мощей св. Николая из Мир в Бари — тому же Ефрему или Григорию, "творцу канонов"[3]. Анализ всех отрывков, где упоминается город Бари, жители этого города, или рассказывается история перенесения мощей, показывает, что автор не противопоставляет восточное и западное христианство. Актуальным здесь является противопоставление христиан и "измаильтян" (правда, в другом списке враги названы скорее по этнической, чем по религиозной принадлежности — "трокамени", т.е., вероятно, турки). Уже А.Шляпкин отметил, что судя по этому тексту, отношения Византии и Запада еще были не совсем враждебны. "Византийцы желали, чтобы их реликвии скорее перешли к христианам, чем к туркам", поэтому в описании событий нет предпочтения Запада Востоку или наоборот, но есть "попечение о благе человечества"[4]. В целом эта точка зрения верна, хотя требует небольших комментариев.

На наш взгляд, стоит обратить внимание на то, что мощи Николы не случайно были перевезены именно в Бари. Южная Италия в XI в. находилась в составе Восточной части империи, и была взята у греков Робертом Гюискардом только в 1070 г. Конечно, во многих местах еще сохранилось греческое влияние, в некоторых монастырях служба велась по греческому образцу. Наверное поэтому автор обращает внимание читателя на то,

кому сейчас принадлежит этот город: "въ баре граде немческыя области" (Троицкий список, XIV в.), или даже более отчетливо: "в бару граду мирманьсте немечьския власти" ("Сахаровский" список, отрывок, XIII в.)[5]. Можно предположить, что "прозвоутеръ благоверенъ христолюбив же и праведенъ", которому было видение Николы, является человеком, находящимся в лоне православной церкви. Характерен и сам выбор слова "пресвитер", т.е. древнейшее общехристианское каноническое название священника, без указания на сан. Вероятно, здесь это слово употреблено "не в смысле обозначения иерархической степени, а в древнейшем общенарицательном смысле для указания на личные качества"[6].

Косвенным доказательством того, что баряне в нашем памятнике не являются в прямом смысле представителями Запада, служит эпизод о соперничестве барян с венецианцами: "И тоу тако нарядиша моужа благовеина боящися Бога въ трехъ караблехъ ити по святаго. Они же насыпавше пшеници и приидоша в Аньтиохию искоупивше что имъ угодно. Бе весть же приимъше баряне яко венедици тоу соущии хотять ити преже ихъ и възяти мощи святаго Николы. Оускориша баряне и отидоша абие и приидоша въ Лоукию градъ Мирьскыи и присташа в лимене градстемь. Светъ же створше вземша ороужия внидоша въ церковъ святаго Николы и обретоша въ неи Д(4) черноризци..."[7]. Баряне в этом отрывке в интерпретации древнерусского книжника предстают людьми хозяйсвенными и уверенными в себе: отправляется за мощами не посольство из священников, а купцы с товаром; сначала они, разумеется, заботятся о своем материальном благополучии, покупают все что им нужно в Антиохии, а уже потом, боясь, как бы их не опередили венецианцы, отправляются в Мир. Баряне уверены в своих действиях, но зачем-то, отправляясь непосредственно за мощами, берут с собой оружие. Западные источники (их обзор также см. в статье А.Шляпкина) описывают это событие как борьбу с монахами, охраняющими мощи, в которой баряне даже вынуждены были прибегнуть к обману. Реакция житилей Мир явно негативная, поскольку они долго и горько оплакивают увезенную святыню. В русской же версии все происходит очень мирно: "два ж черньца остаста в Мирехъ а два идоста с мощьми святаго Николы". Западные источники, таким образом, представляют противостояние и вражду Востока и Запада, описывают перенесение мощей как победу западной церкви. По русской версии, в основе которой, вероятно, лежат какие-то неизвестные нам греческие источники, византийцы спасают свою святыню с помощью жителей города, где православное влияние еще сохранилось. Возможно, что на самом деле перенесение мощей проходило не так мирно, как это представлено в русском Слове, потому что даже там мы обратили внимание на оружие, которым баряне, правда, не воспользовались. Борьба барян с венецианцами также затушевана в древнерусском источнике по

сравнению с западными сказаниями (среди них выделяется и особая группа источников венецианского происхождения). Скорее всего описание перенесения мощей святого Николая Мирликийского отражает не столько реальную картину действительности, сколько то, что хотели бы видеть греки, а вместе с ними и русские.

Именно поэтому сцена встречи мощей святого Николая изображена в Слове как всеобщее ликование: "месяца маия 9и день в неделю в годиноу вечьрнюю видевше же баряне яко придоша с мощьми святаго Николы от Миръ и изидоша вси гражане въ сретение его, моужи и жены от мала и до велика, съ свещами и темьяномъ и прияша с радостью и с великою честью и положиша и въ церкви святаго Иоанна Предтеча при мори"[8]. Через три года жители города построили церковь святого Николы. Мощи святого переносил в новую церковь уже сам папа "съ епископы своими и съ всемъ крилосомъ церковнымъ его". Имя папы — Герман — в Слове названо произвольно. По наблюдениям А.Шляпкина, "русские древние авторы часто переделывали имена пап, преимущественно давая им имена Германа и Сильвестра"[9]. Поэтому здесь имя Герман выглядит нарицательным обозначением папы. Такое отношение к чужой истории также показательно. Для древнерусского книжника папа — не историческая конкретная личность, а сан в общехристианской иерархии.

Особенно явно это отражено в пятом из посмертных чудес святого Николая. По всей вероятности, это чудо переводное, но оно не противоречит "неконфликтным" отношениям Востока и Запада, которые нашли отражение в древнерусском оригинальном памятнике. Это единственное из чудес, где действие происходит в Риме (обычно чудеса совершаются либо в условном пространстве, о географической принадлежности которого можно судить лишь по некоторым реалиям, либо называются различные области Восточной империи; чудо Николы мокрого происходит на Руси). Чернец Петр, нарушивший свое обещание, данное святому Николаю, вновь молится о спасении "изъ оузъ" и собирается после избавления немедленно отправиться в Рим к апостолу Петру и там постричься в монахи, в чем ему и помогает святитель: "И тако доправи святыи моужа сего до Рима и рече емоу нощию святыи Николае: "Брате се пришелъ еси въ Римъ да не мози солгати: оутро рано вълезъ въ церковь святаго верховьнаго Петра и тоу тя оузрить папа и възоветь тя, ты же пришедъ поклони главоу свою да тя пострижетъ"[10]. Все противоречия латинской и греческой церковных традиций здесь сняты. Рим выступает как апостольский город, святой Николай как общехристианский святой, который повелевает папе постричь в монахи спасаемого им человека, а сам папа предстает здесь одним из членов общехристианской церкви, объединенной против сарацин: "И тако зряше оузре человека того стояща посреди человекъ въ церкви и призвалъ и къ себе. Рече папа:

"Петре неси ли от земля Гречьскы и бывъ въ срачинехъ въ темници въ Самарии избавленъ святымъ Николою?". Онъ же поклоняся до земли папе отличаемъ и рече: "И владыко, азъ есмь". Рече папа моужю: "Не мози почюдитися мне, брате, иже тя возвахъ именемъ твоимъ, его же николи же слышалъ есмь, ни виделъ тебе, брате, ни ты мене, но святыи великыи Никола ночесь предъстоя ми поведалъ, како тя ис темници изведе и железа разбилъ и привелъ тя семо и повеле ми пострищи тя во имя Божие". И тако рекъ Божию человекоу во имя Божие постриже и тако святыи Никола чюдотворче намъ добрая показая, тако моля владыкоу свершаеть чюдеса"[11].

Если в этих двух текстах из цикла о святом Николае чудотворце (переводном чуде и Слове, излагающем исторические факты, видимо, на основе какого-то греческого источника[12]) противопоставления латинства и православия вообще нет, то в каноне оно присутствует, но специально снимается самим же автором: "Пастырь Христова стада, отче инемъ овчамъ посылаешися къ латиньскому языку да вся оудивиши чюдесы твоими и къ Христови приведеши ближне, емуже и о нас молися непрестанно"; "Благословенъ Господь Богъ нашь, яко прослави святителя въ странахъ, чюдесъ струя испущающа въ Мирехъ и въ латинехъ вся исцеляюща и въ Руси милостивно посещающа"[13]. Интересным здесь, на наш взгляд, является то, что автор "своих", то есть православных, обозначает по географической принадлежности: "въ Мирехъ" и "въ Руси", а "чужих" — по конфессиональной: "въ латинехъ". Кроме того, здесь намечено еще одно противопоставление: Мир и латины можно при чтении объединить в одной синтагме ("въ Мирехъ и въ латинехъ вся исцеляюща"), Русь выделена с помощью другой. Сугубо субъективное мнение, которое возникает при чтении этого небольшого отрывка (возможно, автор именно на это и расчитывал), что русский книжник намеренно связал "чужих" с прагматической деятельностью Николы ("чюдесъ струя испущающа... вся исцеляюща"), а "своих" — с более общей, духовной: "милостивно посещающа". Можно предположить, что понятия "свои" и "чужие" были для древнерусских книжников в достаточной степени вариативными, и эта вариативность проявилась даже в таком небольшом отрывке, как цитируемый нами. Православные, конечно же, все "свои", но когда речь заходит конкретно о Руси, то и они — "чужие". В целом же противоречия между православием и латинством отступают на задний план, так как и те и другие освящены именем святого Николая.

Еще более интересный момент встречается в Похвале на перенесение мощей св. Николая ("Се приспе братие светлое праздньство..."): "Память его честно творимъ, не на брашно ся токмо сбираемъ, но и на послушание и на добрая дела подвигнемся, въздержащеся не от брашна токмо, но и от пьянства, и от зависти, и от свара, и от татьбы, и от клеветы, и от

лихоимания и от прелюбодеяния, и от мертвечины и от кровоядения, таковая бо дела творяще"[14]. Филарет толковал последние слова как предупреждение новокрещеным, но не русским, так как утверждал, что у тех никогда в обычае не было есть мертвечину[15]. Леонид, сравнив этот отрывок со "Словом святаго Феодосья игумена Печеръскаго монастыря о вере крестьянской и о латыньской"[16] и с сочинением митрополита Георгия "Стязание с латиною"[17], пришел к выводу, что выступление против кровоядения и "ядения" мертвечины "есть не что иное, как предостережение современных слушателей слова от одного из тех заблуждений, которые приписывались церковными писателями того же XI века латинам"[18]. Таким образом, мы видим, что русские авторы в XI в., воспринимая западную церковь, сохранившую мощи святителя Николая, как часть общехристианской церкви, все-таки позволяют себе актуализировать православно-латинский спор, когда дело касается научения собственной паствы[19].

В целом же можно сказать, что в цикле произведений о святом Николае Мирликийском, бытовавших на Руси еще в домонгольский период, этнические представления о Западе полностью заменяются религиозными, а конфессиональные различия не являются определяющими в отношениях двух частей общехристианской церкви.

---

1 Более подробно классификацию памятников см.: Творогов О.В. Житие Николая Мирликийского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI — первая пол.XIV в. Л., 1987. С. 168-172.

2 Атрибуция архимандрита Леонида, насколько нам известно, до сих пор не оспаривалась: Леонид, архим. Житие и чудеса св. Николая Мирликийского и похвала ему. Исследование двух памятников древней русской письменности XI в. СПб., 1881, С. 97-170 (ПДПИ, N 34); Он же. Посмертные чудеса святителя Николая, архиеп. Мир-Ликийского Чудотворца: Памятник древней русской письменности XI в. / Труд Ефрема, еп. Переяславского (по пергаменной рукописи исхода XIV в. библиотеки Троице-Сергиевой лавры, N 9). СПб., 1888 (ПДПИ, N 72). См. также: Шляпкин И. Русское поучение XI в. о перенесении мощей Николая Чудотворца. СПб., 1881 (ПДПИ, N 19). Правда, нам кажется, что упоминание в самом начале Похвалы (по Троицкому списку, легшему в основу публикации И.Шляпкина) Владимира Всеволодовича как черниговского князя ("в лето 6000 от воплощения самого Бога еже в человецехъ от браконеискусомоужныя Богородица и присно девица Мария при цесари гречьстемь Алексии при патреарсе Николе Констянтина града в лета роусьскыхъ князии христолюбиваго князя Всеволода Мономаха въ Киеве и благородьнаго сына его Володимера в Чернигове..." С. 4) можно истолковать двояко: 1) либо автор сам не чужд черниговской земле, 2) либо сочинение было написано уже во время пребывания Владимира на киевском престоле.

3 Леонид, архим. Посмертные чудеса... С. 62.

4 Шляпкин А. Русское поучение... С. 21.

5 Шляпкин А. Русское поучение... С. 5, 6.

6 Полный православный богословский энциклопедический словарь. Б/г (репринт: М., 1992). Т. 2. Ст. 1901.

7 Шляпкин А. Русское поучение... С. 6-7.
8 Шляпкин А. Русское поучение... С. 7-8.
9 Шляпкин А. Русское поучение... С. 14.
10 Леонид, архим. Посмертные чудеса... С. 17.
11 Леонид, архим. Посмертные чудеса... С. 18.
12 Потапов П.О. К литературной истории рукописных сказаний о св. Николае-чудотворце // Ученые зап. Высшей школы г. Одессы. Отдел гуманит.—обществ. наук. Одесса, 1922. Т. 2. С. 121-129.
13 Леонид, архим. Посмертные чудеса... С. 63, 71.
14 Леонид, архим. Житие и чудеса... С. 107.
15 Филарет. Обзор русской духовной литературы. Харьков, 1859. С. 39.
16 Макарий, еп. Сочинения преподобного Феодосия Печерского в подлинном тексте // Ученые записки II отд. имп. АН, 1856. Кн. 2. Вып. 2, N 11. С. 193-224.
17 Макарий. История русской церкви. Т. II. М., 1857. С. 311.
18 Леонид, архим. Жития и чудеса... С. 98.
19 Параллельно можно отметить, что памятники канонического права XI в. также весьма лояльно, хотя и без восторга, относились к вынужденному общению с латинами, так как общехристианскую любовь ставили выше. См.: Канонические ответы митрополита Иоанна II // РИБ. Т. 6. Ч.1. СПб., 1880, N 4. Стл. 3.